Озерный фронт

Автор:
Константин Паустовский

Озерный фронт

Константин Георгиевич Паустовский

В годы гражданской войны против объединенных войск белых и интервентов, наступавших со стороны Мурманска, на Онежском и Ладожском озерах воевали люди, которые зачастую были даже без обмундирования и плавали на старых пароходах, на скорую руку переоборудованных в военные суда. Эта книга рассказывает о героической повседневности сознательных защитников революции, об их подвигах на фронте, о трепетном отношении к Родине и свободе.

Константин Паустовский

Озерный фронт

Капитан Тренер пожевал жареную репу и вздохнул. Вкус репы отдавал горечью, как воздух лесистого и холодного Заонежья, где стояла флотилия.

Кончался май. Грязный лед все еще таял на берегах Онежского озера. По ночам казалось, что озеро превращается в море, – запах льда напоминал запах сырых приморских песков.

Лес шумел за окнами избы, нагоняя сон. Канонерские лодки кланялись берегу, поблескивая огнями. То были старые буксирные пароходы, приплюснутые, как клопы. В Петрозаводске их выкрасили в цвет мокрого полотна и поставили им на палубы орудия.

– О чем вздыхаешь, старик? – спросил Тренера штурман Ерченко, прозванный «Сарвингом».

На морском языке сарвингом называют старую, истлевшую парусину. Наступили жестокие дни. Лучшим напитком считался спитой чай, великолепной едой – болтушка из затхлой муки. Толстый штурман лишился своего объема и посерел, подобно видавшему виды рыбачьему парусу. «Сарвинг» – сказал о нем Тренер. Прозвище немедленно было узаконено всей Онежской озерной флотилией.

– Погано! – ответил Тренер. – Сиди в этой дыре и дожидайся английских истребителей. Жуй репу и любуйся на «консервные банки», – он кивнул за окно, где пни канонерок продолжали качаться с монотонностью маятников. – К тому же холодно. Наступает второй ледниковый период.

Комиссар Мартайнен неодобрительно ухмыльнулся.

Хозяйка избы, старуха Кузьминишна, поставила на стол тарелку с вареной ряпушкой. Тренер ковырнул вилкой перепрелую кашу из рыбы и рассердился.

– Что вы хмыкаете? Надо наконец научиться уважать науку. Флотилия на собственной шкуре испытывает приближение льдов.

Сарвинг заскрипел стулом.

Тренер гневно взглянул на штурмана.

– Не лезь в пузырь, Эдуард, – прохрипел Сарвинг. – Я тебя всегда с удовольствием слушаю.

– Надо иметь голову на плечах, – сказал Тренер. – Почему англичане устроили в Медвежьей Горе базу? Почему поставили на берегу судовые орудия и спустили на озеро истребители? Если бы не лед в мае, в половине мая, было бы это или нет? Я тебя спрашиваю, старый обалдуй. Конечно, нет. Наши коробки от сардин не могли форсировать лед. Мы бегали около кромки льда и грызли собственные кулаки. Май, видите ли, чудесный месяц май, стоял над этим чертовым озером, и лед таял с такой же скоростью, с какой растет борода у флагмана.

(Было известно, что флагман брился раз в неделю не из-за отсутствия времени, а за полной ненадобностью делать это чаще.)

– Холодная весна, – согласился Мартайнен.

– Холодная весна? – язвительно переспросил Тренер. – Вы в этом уверены? А вы знаете, что здесь в доисторические времена был климат Сицилии?

– Все может быть, – согласился Мартайнен. Ему хотелось спать. Сарвинг уже всхрапывал.

– Да, все может быть, – ответил Тренер и оглянулся.

Из темного угла избы, где стояла кровать, послышался тихий плач.

Мартайнен смотрел за окно, где между сосен дрожали звезды. Сарвинг проснулся и встал.

– Опять! – сказал он испуганно и начал застегивать рваную шинель, похожую на больничный халат. – Пора на канонерку. В пять часов снимаемся в дозор к Мэг-острову. Хоть бы часика три поспать.

– Мертвого не воротишь, – пробормотал Мартайнен, – Идемте, штурман.

Тренер остался. Еще третьего дня он забрел в избу Кузьминишны в поисках молока. В избе он застал старуху и молодую плачущую женщину. Пока старуха кормила Тренера простоквашей, женщина не переставала плакать.

Тренер торопливо глотал простоквашу, не чувствуя вкуса, потом тихо спросил старуху, кто эта женщина.

– Учительша, – прошептала старуха. – Беда у нее случилась. Девочку убили.

Тренер больше ничего не спрашивал. У себя, на канонерской лодке «Номер два», он рассказал о необыкновенной избе, где кормят густой простоквашей. В избу началось паломничество.

Старуха притворно негодовала, но в простокваше не отказывала.

Когда простокваша иссякала, Кузьминишна кормила моряков жареной репой и ряпушкой.

Избу прозвали «Кафе Колдунчик». Каждый вечер там можно было застать посетителей, отдаленно напоминавших моряков. Об их профессии можно было догадаться по случайно уцелевшим признакам: фуражкам с золочеными «крабами», рваным клешам, пуговицам с якорями, татуировке под рукавами ватных телогреек и старомодных пиджаков, по больше всего – по обветренным и озябшим лицам.

Сарвинг и Мартайнен ушли. Тренер остался. Он был любопытен. Жгучее любопытство преследовало его все время. Несмотря на свои сорок лет, он увлекался множеством вещей. Он походил на мальчика, старающегося во что бы то ни стало сломать игрушку, чтобы заглянуть внутрь. Жизнь была для Тренера подобна этой игрушке. Он любил разбирать механизмы, расспрашивать людей, читать научные исследования, спорить. Из накопленных за долгие годы наблюдений он делал ошеломляющие выводы. Это занятие его радовало. Потому, может быть, через всю жизнь Тренер прошел легко, точно посвистывая, и заслужил кличку чудака.

Тренеру не давала покоя учительница. Он хотел узнать причину ее слез. На этот раз им меньше всего руководило любопытство. Он испытывал несвойственную ему досадную жалость.

– Как это случилось? – спросил он Кузьминишну.

Рассказ старухи не успокоил Тренера. Откровенно говоря, он ничего не понял. Ясно было одно – дочь учительницы, двухлетняя девочка, погибла от взрыва ручной гранаты.

Необходимо оговориться. Дело происходило в 1919 году в селе Толвуе, на полуострове Заонежье. С севера на Петрозаводск наступали две белые армии. Оловецкая добровольческая армия, состоявшая из финнов, прорвалась из Финляндии к Лодейному Полю. Северная добровольческая – густая смесь из английских, сербских, американских и русских белых отрядов – двигалась из Мурманска вдоль железной дороги. Последнюю армию называли «англичане».

В мае 1919 года англичане заняли Медвежью Гору – самый северный пункт на Онежском озере. Они укрепились там и послали в Заонежье отряды с продовольствием и оружием – поднять восстание среди хозяйственных заонежских рыбаков.

Восстание началось в Толвуе и Шуньге, но было быстро подавлено.

Сарвинг на своей канонерской лодке доставил в Толвуй из Петрозаводска музыкантскую команду. Этого оказалось достаточно, чтобы восставшие подняли белый флаг и сдались.

В то время на Карельском фронте не было войск и винтовок. Каждые десять вооруженных людей считались хорошей боевой частью. Довольно того, что единственный батальон целый месяц сдерживал натиск превосходящих сил белых вдоль Мурманской дороги, яростно защищая каждую шпалу и каждый телеграфный столб. В конце концов этот потрепанный и голодный батальон остановил наступление белых.

Все главные силы были оттянуты против Юденича. Сарвинг заслуженно гордился «толвуйским делом». Барабанщики и трубачи, умевшие с грехом пополам сыграть «Интернационал», оказались надежными бойцами.

Правда, после этого Сарвингу долго не давали покоя. Каждый раз, когда его канонерка, прозванная «Музыкантом», вползала, шлепая колесами, в петрозаводскую гавань, команды сторожевых катеров встречали ее варварским маршем. Его наигрывали на гребенках, жестяных кружная и попросту хлопая себя по надутым щекам.

На это развлечение командующий флотилией смотрел сквозь пальцы. Сарвинг багровел и ругался.

Несчастье с учительницей случилось в день высадки музыкантского десанта.

Сарвинг внезапно открыл по селу огонь из кормового орудия. Началась паника. Отряд из нескольких американских солдат во главе с лейтенантом Шервудом бежал в лес, не сделав ни одного выстрела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/konstantin-paustovskiy/ozernyy-front

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити